

Сун Цинсюй вышел из клиники около полудня. Он сидел на заднем сиденье такси, а в голове — по кругу — крутились слова психолога.

«Судя по вашему описанию, между вами и этим господином Таном очень глубокая связь. Разумеется, я не имею в виду, что вы его выдумали.»

«При вашей симптоматике до шизофрении, конечно, далеко. Учитывая вашу профессиональную нагрузку, скорее всего, всё вызвано чрезмерным психологическим давлением.»

«Однако тот факт, что после начала интимных отношений с ним ваши нарушения сна действительно уменьшились, — это и правда необычно. Медикаменты могут повлиять на скорость реакции и повредить вашей карьере, поэтому на данном этапе мой совет — по возможности снимать внутреннее напряжение доступными и разумными способами.»

Доступными и разумными. Что конкретно? Слушать звуки дождя для засыпания? Бегать? Или продолжать с Тан Хуаем...

Странно: все варианты, кроме Тан Хуая, постепенно побледнели и растворились.

Для Сун Цинсюя нормальный сон был критически важен — от этого зависели тренировки и матчи.

Он опустил глаза. А Тан Хуай... согласится?

Внешность, фигура, уровень игры — по всем параметрам Сун Цинсюй мог предложить достаточно. Логически Тан Хуай не должен отказать.

С этой мыслью он открыл WeChat, собираясь поговорить. И обнаружил сообщение — от Тан Хуая, больше часа назад.

Он торопливо ответил:

[Были дела, выходил.]

[Ты на базе?]

Тан Хуай ответил мгновенно.

[Нет.]

[Что-то случилось?]

Сун Цинсюй прикусил губу. Такие вещи лучше обсуждать лицом к лицу.

[Ты где? Я приеду.]

Тан Хуай скинул геолокацию. Бар.

Сун Цинсюй не стал задумываться, зачем Тан Хуай в баре, сменил адрес назначения в приложении и откинулся на сиденье — репетировать, как начать разговор.

Бар прятался в переулке. Впрочем, в Шанхае даже самый укромный переулок не бывает пустым — кто фотографируется, кто просто проходит мимо.

Вывеска была маленькой и незаметной. Если бы Сун Цинсюй не читал названия одно за другим, он бы вообще не нашёл вход.

Снаружи и внутри — два разных мира.

На небольшой сцене сидел музыкант и негромко пел что-то из фолка. Посетителей — по пальцам пересчитать. Зато собак в жилетках с надписью «Я на работе» — целая стая.

Два золотистых ретривера, едва завидев Сун Цинсюя, тут же бросились к нему с приветственным восторгом. Он не ожидал и чуть не полетел на пол.

Удержав равновесие, одной рукой почёсывая лохматые головы, он огляделся в поисках Тан Хуая. Дважды обвёл зал красивыми глазами — не нашёл. Уже потянулся звонить, когда из не приметного проёма с лестницей спустилось знакомое лицо.

Цзи Чэнь.

Он на ходу застёгивал пальто:

— Тан Хуай сказал, что его кто-то заберёт, — так это ты?

— Заберёт? Он что, пьян? Он наверху? — спросил Сун Цинсюй.

— Ну, выпил немного. Пить-то он м... — Цзи Чэнь вдруг осёкся и сменил формулировку: — Посредственно. Когда настроение хорошее — ещё держится. Когда плохое — пары глотков хватает.

Сун Цинсюй к алкоголю до сих пор не питал тёплых чувств — головная боль тех дней была ещё свежа. Он скривился:

— И он там один? Ты почему его не вывел?

Телефон Цзи Чэня разразился трелью. Он мельком глянул, сбросил, начал печатать ответ и как бы невзначай спросил:

— А ты что, переживаешь за него?

Сун Цинсюй: — ...Мы в одной команде.

— Ну да, — Цзи Чэнь протянул последний слог. Указал направление: — Лестница там, наверху налево, первая кабинка. Мне бежать, увидимся.

— Увидимся.

Сун Цинсюй ещё не договорил, а Цзи Чэнь уже вышел.

Он нахмурился, отодвинул вертевшихся вокруг собак и по указанному маршруту нашёл кабинку.

В отличие от обычных барных кабинок — тёмных и тесных — здесь было окно.

Тан Хуай полулежал на диване, глаза закрыты, лицо — ни следа алкогольного румянца. Спит.

На низком столике — две пустые бутылки виски. Ещё одна валялась на полу. Сколько он выпил? На базе за ним такого не водилось.

Сун Цинсюй тронул его за руку — голос мягче, чем обычно:

— Тан Хуай? Тан Хуай, слышишь меня? Тебе плохо? Тошнит? Если тошнит, лучше здесь — иначе ни одно такси нас не возьмёт.

Веки Тан Хуая дрогнули. Сун Цинсюй замолчал.

Секунда — и глаза медленно открылись. Вытянутые тёмные зрачки неспешно навелись на лицо Сун Цинсюя. Мелькнула растерянность — но Сун Цинсюй не успел убедиться: выражение тут же стало спокойным.

Сун Цинсюй невольно сглотнул. Чжан Чжиян прав. Лицо у Тан Хуая — и правда красивое.

Тан Хуай сел, помассировал виски и спросил:

— Ты пришёл по делу?

— Ты пьян. Потом поговорим. — Сун Цинсюй глянул на телефон. — Такси — семьдесят какой-то в очереди. Может, вызовешь трезвого водителя? Хотя блевать будешь в свою машину.

— Не торопись. Сядь. — Тан Хуай похлопал по дивану рядом. — Ты ушёл рано утром. Куда? К Ли Сичэню?

Опять Ли Сичэнь. Сун Цинсюй мысленно поморщился. Но говорить, что был в клинике, — пока не хотел.

— Личные дела. А ты? Новый год, а ты в баре? Что вообще тут делаешь?

Тан Хуай усмехнулся:

— Мой бар. Зашёл проверить. Выпил немного.

Сун Цинсюй покосился на пустую тару и подумал: если это для Тан Хуая «немного», то что тогда «много»?

— Бар — твой? — Сун Цинсюй оглядел кабинку. Тёплый, светлый интерьер совершенно не вязался с Тан Хуаем — больше походил на то, что мог бы придумать он сам. — Серьёзно?

— Я подобрал много бродячих собак. Им нужно место и уход. Мне нужно было занятие. Вот и открыл.

Сун Цинсюй вспомнил, как когда-то насмешливо бросил Тан Хуаю про «в псы». Внутри шевельнулось что-то горькое.

Не успел он ничего сказать, Тан Хуай продолжил:

— Так зачем ты пришёл? Я не пьян.

Сун Цинсюй смотрел на него с сомнением. Весь заготовленный текст вылетел из головы; в мозгу осталось одно-единственное слово — «неловко».

Пауза затянулась. Тан Хуай ровно произнёс:

— Если не скажешь — я уйду. Хочу спать.

Он последние ночи почти не спал. С утра ещё и сварил Сун Цинсюю лапшу. Пусть тот не стал есть — усталость от этого никуда не делась.

Сун Цинсюй набрал воздуха и мысленно сказал себе: ничего страшного, мы взрослые люди, это нормально. Тан Хуай — лучше, чем кто бы то ни было.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал Сун Цинсюй. — Если согласишься, я в разумных пределах выполню три твоих условия. Деньги, что угодно — если это в моих силах и я могу это принять.

Кадык Тан Хуая дёрнулся. Он смотрел на Сун Цинсюя в упор.

— Какая помощь?

От этого взгляда Сун Цинсюй замер. Голос стал тише комариного писка:

— Ты можешь... поддерживать со мной сексуальные отношения?

Как бы ни готовился, услышать эту просьбу Тан Хуай не ожидал. Переспросил:

— Ты сказал — сексуальные отношения?

Сун Цинсюй решился:

— Да! Если хочешь отказать — ладно. Но прошу: ради того, что мы знакомы столько лет, ради того, что мы тиммейты, — не рассказывай об этом никому.

Тан Хуай открыл новую бутылку виски, опрокинул полный бокал залпом. Костяшки пальцев на бокале побелели.

— Если я откажу — к кому пойдёшь?

— Я...

— Не надо. Не хочу слышать, — он резко перебил. — Три условия, правильно?

Сун Цинсюй с облегчением выдохнул. Он понял: Тан Хуай взвешивает, стоит ли это трёх условий. Деловой подход — именно то, что нужно.

— Да. Три условия. Всё, что в моих силах, не нарушает закон и кодекс поведения игроков лиги. Деньги тоже можно. У меня много денег.

Это не было преувеличением. Даже без семейного капитала Сун Цинсюй зарабатывал больше большинства игроков нового поколения.

Тан Хуай усмехнулся:

— Ты предлагаешь поразовую оплату? Считаешь меня жиголом?

— Я не это имел в виду. Просто инициатива моя — значит, справедливо, что я предложу компенсацию. И я хочу, чтобы ты согласился искренне.

Увидев, что тон Тан Хуая смягчился, Сун Цинсюй тоже расслабился. Говорил теперь так, словно обсуждал меню на обед.

— Мне тоже не нужны деньги, River, — низко произнёс Тан Хуай. Он смотрел на полурастаявший лёд в бокале. — Мне ничего не нужно. Но два свободных условия от River — звучит заманчиво.

— Так ты согласен?

Тан Хуай крутнул бокал. Лёд звякнул о стекло — чисто и мелодично. И тихий смешок — тоже.

— Формат «друзья с привилегиями» я принимаю. Но у меня три правила.

Он поставил бокал и повернулся к Сун Цинсюю. Чёрные зрачки ударили прямо в его глаза — властно, не оставляя места ни для чего другого.

— Первое. Когда заканчивать — решаем вместе, не ты один.

Разумно. Тан Хуай согласился по его просьбе; вопрос окончания зависит от того, когда пройдут симптомы, но обсудить это с Тан Хуаем — нормально.

Сун Цинсюй кивнул.

— Второе. Когда — решаешь ты. Сколько раз — решаю я.

Это была для Сун Цинсюя слепая зона. Но по его логике, в прошлый раз болело исключительно из-за алкоголя; в нормальных условиях такого быть не должно.

На всякий случай он уточнил:

— Если это не мешает матчам и тренировкам — хорошо.

— Само собой. Третье: раз мы в таких отношениях — никакого подобного контакта с другими людьми.

Тут Тан Хуай явно перестраховывался. Сун Цинсюй не задумался ни на секунду:

— Конечно. Мне тебя достаточно. Зачем мне кто-то ещё?

Что-то в этой фразе попало точно в цель. Тан Хуай опустил подбородок, и уголок его губ дрогнул вверх.

Рывком притянул Сун Цинсюя за шею и накрыл его мягкие губы своими. Поцелуй, пропитанный густым запахом виски, затягивал — незаметно, неумолимо. Взгляд Сун Цинсюя поплыл.

Он обмяк, как кукла, у которой вынули каркас: верхняя половина тела привалилась к плечу Тан Хуая, одна рука вцепилась в край его футболки, дыхание — быстрое, жадное.

Поцелуй — самый многозначный из человеческих жестов. Соприкасаются не просто тела; и то, что ощущаешь, — не только чужое тепло.

Тан Хуай целовал напористо, захватывая территорию. Сун Цинсюй постепенно уступал, пока не оказался на спине. Что-то мягкое под лопатками.

Тан Хуай наконец оторвался от его губ. Шершавый подушечка большого пальца скользнула по его нижней губе. Голос — низкий, сорванный:

— Игрок River, не хотите ли снять номер в отеле?

На губах Сун Цинсюя блестела влага. Тело ответило раньше, чем мозг:

— Хочу.